

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 62–68

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 62–68

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-62-68>, EDN: TCZZVS

Научная статья

УДК 177.6:811.161.1'38

Опьянение души: афористика страсти (семантика, прагматика, речежанровые свойства)

С. Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет, Россия, 350072, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Московская, д. 2

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, svork@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Аннотация. На материале корпуса малоформатных высказываний исследуются семантика и аксиология страсти, а также дискурсивные свойства афористики. Устанавливается, что афоризм не имеет четкого определения на основании какого-либо одного признака и речь здесь может идти лишь о «семейном сходстве» как приближенности какого-то малоформатного текста по совокупности признаков к идеалу афористического высказывания. В корпусе афоризмов о страсти доминирует аксиологический признак – каждое третье высказывание о страсти содержит её оценку: чаще всего страсть рассматривается как грех и порок, несколько реже она получает положительную оценку – рассматривается как духовное богатство и источник плодотворной деятельности, еще реже наблюдается компромиссный взгляд на оценку страсти, когда она признается благотворной, если её интенсивность не выходит за пределы меры, задаваемой разумом и волей, а вредоносной – если она выходит за пределы меры и овладевает человеком. Праксеология страсти в афористике сводится к рекомендациям подчинять страсти своей воле и учиться управлять ими. Из отличительных семантических признаков страсти в афористике можно отметить её всеисилие и неподвластность воле, а также врожденность и неискоренимость страстей. Из числа собственно отличительных признаков афористики в высказываниях о страсти явно преобладает образность – метафора присутствует практически в каждом четвертом афоризме, причем доминирующим типом метафорического переноса здесь выступает пиро/термометафора: горение и температурные колебания отражены в каждой третьей метафоре страсти. Другая отличительная черта афористики – антитезисность присутствует в каждом шестом высказывании о страсти, где чаще всего страсть противопоставляется разуму. Еще одна отличительная черта афористики – парадоксальность в высказываниях о страсти проявляется относительно редко.

Ключевые слова: афоризм, речевой жанр, страсть, семантический признак, оценка, метафора, антитезисность, парадоксальность

Для цитирования: Воркачев С. Г. Опьянение души: афористика страсти (семантика, прагматика, речежанровые свойства) // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 62–68. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-62-68>, EDN: TCZZVS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Inebriety of the soul: Aphoristica of passion (semantics, pragmatics, genre properties)

S. G. Vorkachev

Kuban State Technological University, 2 Moskovskaya St., Krasnodar 350072, Krasnodar Region,
Russia

Sergey G. Vorkachev, svork@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Abstract. Based on the material of a corpus of short-format statements, the semantics and axiology of passion, as well as the discursive properties of aphorism, are studied. It is established that an aphorism does not have a clear definition based on a single feature and we can only talk about “family resemblance” as the proximity of some

small-format text in terms of a set of features to the ideal of an aphoristic statement. The corpus of aphorisms about passion is dominated by an axiological feature – every third statement about passion contains its assessment: most often passion is considered as a sin and vice, somewhat less often it receives a positive assessment – it is considered as spiritual wealth and a source of fruitful activity, even less often a compromise view of assessment is observed: passion is recognized beneficial, when its intensity does not go beyond the limits set by reason and will, and harmful – when it goes beyond the limits and takes possession of a person. The praxeology of passion in aphorism comes down to recommendations to subordinate passions to your will and learn to control them. Among the distinctive semantic features of passion in aphorism, one can note its omnipotence and insubordination to the will, as well as the innateness and ineradicability of passions. Among the actual distinctive features of aphorism in statements about passion, imagery clearly predominates – metaphor is present in almost every fourth aphorism, and the dominant type of metaphorical transfer here is pyro/thermometaphor: combustion and temperature fluctuations are reflected in every third metaphor of passion. Another distinctive feature of aphorism – antithesis is present in every sixth statement about passion, where passion is most often contrasted with reason. One more distinctive feature of aphorism is that paradox in statements about passion appears relatively rarely.

Keywords: aphorism, speech genre, passion, semantic feature, evaluation, metaphor, antithesis, paradoxicality

For citation: Vorkachev S. G. Inebriety of the soul: Aphoristica of passion (semantics, pragmatics, genre properties). *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 62–68 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-62-68>, EDN: TCZZVS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Афоризм как малоформатный текст известен с древнейших времен: афористические формы можно встретить уже в вавилонском «Кодексе Хаммурапи», созданном где-то в 1750 г. до н. э., а слово *ἀφορισμός* впервые появляется в медицинском трактате Гиппократов «Афоризмы» где-то в IV в. до н. э. Афоризм же как литературный жанр «официально» оформляется в 1647 г. публикацией «Карманного оракула» Бальтасара Грасиана.

В древнегреческом языке, откуда пришло к нам имя «афоризм», им обозначался логический термин «определение» (у Аристотеля) и было оно образовано, очевидно, от глагола *ἀφορίζω* – «отделять, отмежевывать, ограничивать; определять, обозначать; изгонять, отлучать, устранять, исключать» [1, т. 1: 276]. В определении (дефиниции), как известно, включаются существенные признаки предмета, позволяющие отделить этот предмет от всех прочих предметов, однако афоризм в современном понимании черты дефиниции практически утратил.

В толковых словарях русского языка, фиксирующих обыденное сознание его носителей, афоризм предстает как видовая форма изречения: [2: 25; 3, т. 1: 71; 4, т. 1: 53; 5, т. 1: 52; 6: 52]. В то же самое время само изречение по сути синонимизируется с афоризмом [6: 386; 5, т. 1: 654; 3, т. 1: 1181; 4, т. 1: 584]. Понимание афоризма как малоформатного литературного жанра в литературоведении [7: 42; 8: 64] практически совпадает с его пониманием в обыденно-языковом сознании, отраженном в толковых словарях.

Обобщение толкований афоризма в литературоведческих словарях и энциклопедиях приводит к мысли о том, что афоризм представляет собой авторское высказывание, характеризующееся лаконичностью, отточенностью и выразительностью формы, законченностью и обобщенностью содержания, оригинальностью и иногда парадоксальностью заключенного в нем смысла. Литературные афоризмы создаются, как правило, людьми творческими и пишущими – писателями, поэтами и даже учеными, в том числе и лингвистами [9], в задачи исследователей литературных афоризмов входит, главным образом, установление родо-видовой иерархии малых литературных жанров: поиски различий афоризмов, максим, сентенций, гномов, апофтегм, хрий, грегерий и пр. Корпус «мудрых мыслей великих людей» формируется как за счет создания авторских сборников афоризмов, так и путем превращения в прецедентные фразы из художественных и научных произведений, а также выборки из дневников и подготовительных записей писателей.

Несмотря на то что слово «афоризм» продолжает оставаться литературоведческим термином и в основные лингвистические терминологические словари не вошло, афоризм как исследовательский объект привлекает пристальное и все возрастающее внимание как зарубежной [10–13], так и российской науки о языке [14: 663], которая пытается отыскать специфические и лингвистически релевантные признаки своего предмета исследования. В ходе разноаспектного рассмотрения афоризма – как малоформатного текста, как речевого жанра, как фразеологизма, как интертекста, как уни-

версального высказывания и пр. [15–20] были выделены его обязательные и факультативные, формальные и содержательные характеристики. Так, в число обязательных формальных признаков попадают краткость/лаконичность, авторизованность (паспортизованность), воспроизводимость, раздельнооформленность (сверхсловность), однофразовость, номинативность, дискурсная автономность, устойчивость; в число обязательных содержательных – генерализованность сообщаемого (обобщенность), имплицитность и инферентность смысла (идиоматичность, глубина), смысловая законченность, вневременной характер (универсальность, нерелативность); в число факультативных формальных – экспрессивность (выразительность, эстетичность), метафоричность (наличие переносного смысла), образность, интертекстуальность; в число факультативных содержательных – оригинальность (неожиданность формулировки), парадоксальность, антитезисность (антонимичность) [21: 130–132; 22: 151–152; 14: 699; 16: 904; 17: 30–31].

В результате всех этих усилий был сделан довольно обескураживающий вывод о том, что афоризму, как и любому разнокачественному явлению, дать четкого и последовательного классического определения на основании какого-либо одного признака невозможно [14: 662–663], а говорить здесь, как представляется, можно лишь о «семейном сходстве» в понимании Людвиг Витгенштейна [23: 111]: какой-либо малоформатный текст по совокупности признаков с той или иной степенью сходства приближается к афоризму. Так, например, основным критерием отделения афоризмов от пословиц признается наличие-отсутствие автора, однако ситуация здесь осложняется присутствием своего рода «серой полосы», включающей такие малоформатные тексты, как крылатые слова, так называемые «народно-литературные афоризмы», вербальная часть недавно появившихся интернет-мемов и демотиваторов, почти во всем сходные с афоризмами, но спокойно обходящиеся и без автора. В то же самое время генерализованность, получающая статус базового признака афоризмов [14: 699], в полной мере присуща и пословицам.

Разворот парадигмы гуманитарного знания в сторону человека как субъекта речи и мысли в конце прошлого века только стимулировал интерес лингвистики к афористике как к хранилищу и зеркалу духовной культуры народа и ментальности этноса [21: 127]. Возникшее в это время российское ответвление антропологической лингвистики – лингвокультурология и её ипостась лингвоконцептология стали рассматривать афоризм как один из источников формирования понятийной составляющей лингвокультурного концепта наряду со словарными

толкованиями и научными дефинициями [24: 148]. Выделяемые в афористике «ключевые слова» [17: 30–31]), в принципе, совпадают с именами лингвокультурных концептов, в которых концентрируется суть афоризма. Можно, кстати, заметить, что и до появления лингвоконцептологии уже словари афоризмов интуитивно рубрицировались преимущественно на основе «ключевых слов» – имен лингвокультурных концептов. В сегодняшней российской антропологической лингвистике афористика активно используется в качестве материала для семантического наполнения преимущественно этических лингвокультурных концептов. Наблюдения над функционированием афоризмов в игровом дискурсе позволяют выделить еще одну факультативную характеристику «мысли, исполняющей пируэт» (Ж. де Брюйн) – тональность, которая разделяется на два вида: тональность «увеселительная» (балагурная), ориентированная на развлечение получателя речи, и тональность, «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи высокую оценку своего остроумия [25].

Свойства страсти

В корпусе афоризмов о страсти (308 единиц) доминирует, безусловно, аксиологический признак – каждое третье высказывание о страсти (104 афоризма) содержит её оценку: отрицательную, положительную или ту и другую в зависимости от интенсивности и предметной направленности последней.

Чаще всего (48 афоризмов) страсть рассматривается как грех и порок, её проявления уподобляются рептилиям: *Нет греха тяжелее страстей (Лао-цзы); Страсти – это пресмыкающиеся, когда они входят в сердце, и буйные драконы, когда они уже вошли в него (К. Гельвеций)*. Она нехороша уже тем, что вводит нас в заблуждение и заставляет совершать ошибки: *Любая страсть толкает на ошибки, но на самые глупые толкает любовь (Ф. Ларошфуко)*. Более того, страсть – это *ад для разума (Э. Шефтсбери)*, поскольку она его ослепляет и приводит к безумию: *Страсть ослепляет самые уравновешенные умы (А. Дюма-отец); Кто не в себе, тот и не отвечает за себя, страсть изгоняет разум (Б. Грасиан)*.

Бог страсти – злой тиран (П. Корнель) – потакание страстям приводит человека к духовному рабству, утрате такого блага, как свобода: *Мы тем свободнее, чем больше мы поступаем сообразно рассудку, и тем больше поработены, чем больше поддаемся страстям (Г. Лейбниц)*. Страсть – причина несчастья человека (*Человек бывает несчастлив или вследствие страха, или вследствие безграничной, вздорной страсти – Эпикур*), она приводит к утрате душевного покоя (*Надо быть свободным... как*

от страсти и страха, так и от огорчений, наслаждения для души и гнева, чтобы достичь душевного спокойствия и безмятежности, приносящих нам как стойкость, так и чувство собственного спокойствия – М. Цицерон), она противоестественна (Страсть есть неразумное и несогласное с природой движение души – Зенон) и животна (Ярость и страсть, – животные черты, а знание и мудрость – красота человека – Абу Хамид аль-Газали), приносит страдание и боль (Как часто, подчинившись голосу страсти на один час, мы платим за него долгими днями скорби – Ас-Самарканди) и ведет к гибели (Темные стихийные страсти, лишая человека устойчивого духовного равновесия, уже сами по себе влекут его к гибели – С. Франк), она источник несправедливости, своекорыстия и эгоизма (Страстям присущи такая несправедливость и такое своекорыстие, что доверять им опасно и следует их остерегаться даже тогда, когда они кажутся вполне разумными – Ф. Ларошфуко).

Несколько реже (41 афоризм) страсть получает положительную оценку – она рассматривается как духовное богатство человека (А. Франс) и источник всякой живой плодотворной деятельности (В. Белинский). Страсть считается двигателем прогресса и основой величия человека: Ни один великий шаг в истории не был сделан без помощи страсти, которая, удесятерив нравственные силы и изоцряя умственные способности деятелей, сама является великой прогрессивной силой (Г. Плеханов); Как знать, может быть, именно страстям обязан разум самым блистательными своими завоеваниями (Л. Вовенарг); Ничто великое в мире не совершается без страсти (Г. Гегель); Человек по-настоящему велик лишь тогда, когда им руководят страсти (Б. Дизраэли). Страсть украшает жизнь человека и делает его лучше: Страсти без конца осуждают, им приписывают все человеческие несчастья и при этом забывают, что они являются также источником всех наших радостей (Д. Дидро); Те люди, которых особенно волнуют страсти, больше всего могут насладиться жизнью (Р. Декарт).

Наименее представительным (15 афоризмов) оказывается «умеренный» – компромиссный взгляд на оценку страсти, когда она признается благотворной, если её интенсивность не выходит за пределы меры, задаваемой разумом и волей, а вредоносной – если она выходит за пределы меры и овладевает человеком: Страсть, стоит ей перейти естественную меру, непременно теряет и всякую меру (Л. Сенека); Все страсти хороши, когда мы владеем ими; все дурны, когда мы им подчиняемся (Ж.-Ж. Руссо). В то же самое

время оценка страсти зависит от характера объекта, на который она направлена – созидание или разрушение, добрые дела или злодеяния: Страсть – ключ к творческому началу, если она управляема совестью. И к разрушению, а то и преступлению, если совесть заменяется сиюминутной необходимостью (Б. Васильев).

С аксиологией страсти, естественно, соседствует её праксеология, дающая советы и рекомендации как нужно действовать по отношению к страстям – стараться подчинять их своей воле, учиться управлять ими: Владей страстями, иначе страсти овладеют тобой (Эпиктет); Подчините себе ваши страсти, и их сила станет вашей силой, их величие – вашей красотой (А. Франс).

В корпусе афористических высказываний о страсти можно встретить упоминание и других характеристик этого интенсивного чувства. Чаще всего здесь говорится о его всеилии, неукротимости и неподвластности воле (Ослепление страстью имеет настолько дьявольскую силу, что власть ее над людьми не знает границ. Ничто не может ей препятствовать: ни возраст, ни опыт, ни положение в обществе – М. Матисс; Того, кто вздумал бы препятствовать зарождению страстей, я счел бы почти таким же безумцем, как и того, кто вздумал бы уничтожить их – Ж.-Ж. Руссо), страсти «ранжируются» по силе (Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая – властолюбие – В. Белинский; Самая необузданная страсть у всех живых существ – похоть и голод; первая вызвана постоянным стремлением к воспроизводству себе подобных, вторая – к самосохранению – Дж. Аддисон), утверждается, что одну страсть может подавить только другая – клин вышибается клином (Только великая страсть способна укрощать наши страсти – А. Пети).

Констатируется врожденность и неискоренимость страстей (Как плотью, жилами, и кровью, и костями, / Так от рожденья мы наделены страстями – П. Ронсар), их всеохватывающий, доминантный характер (Человек, у которого много страстей одновременно, не имеет ни одной из них – К. Гельвеций), их беспричинность и бессознательность (Любит, потому что любит, не любит, потому что не любит, – логика чувств и страстей коротка (А. Герцен).

Отмечаются непостоянство и динамизм страстей (Долговечность наших страстей не более зависит от нас, чем долговечность жизни – Ф. Ларошфуко; Живет надеждой страсть и гибнет вместе с ней: / То пламень, гаснущий, когда нет пищи новой – П. Корнель), зависимость от возраста (Этому возрасту с всеобщего согласия позволяют кое-какие

любовные забавы, и сама природа щедро надевает молодость страстями – М. Цицерон).

Речевые характеристики

Речевые характеристики

Из числа собственно отличительных признаков афористики [22: 151] в высказываниях о страсти явно преобладает образность – метафора присутствует практически в каждом четвертом афоризме (в 80 единицах), причем доминирующим типом метафорического переноса здесь выступает пиротермометафора, с помощью которой «овеществляется» интенсивность эмоционального проявления, его «накал». Горение и температурные колебания отражены в каждой третьей метафоре страсти (26 единиц), где страсть воспламеняет, пылает, сжигает, кипит, охладевает и угасает: *Жар страстей нередко бывает жаром гения* (О. Мирабо); *Достаточно и малого словца, / Чтоб страсти грозным вспыхнули пожаром* (Г. Цадаса); *Перекипевшие страсти образуют ядовитую накипь* (В. Карасик); *Всевластная любовь повелевает нами / И разжигает в нас, и гасит страсти пламя* (Ж. Расин).

Почти в два раза реже (15 единиц) страсть персонифицируется – уподобляется человеку, она говорит, советует, рассуждает, отправляет правосудие: *Как часто, подчинившись голосу страсти на один час, мы платим за него долгими днями скорби* (Ас-Самарканди); *Если советы страсти более смелы, чем советы рассудка, то и силы для исполнения их страсть дает больше, чем рассудок* (Л. Вовенарг); *Страсть плохо рассуждает* (О. Бальзак); *Господствующая страсть – это судья, наделенный властью совершать правосудие* (К. Гельвеций).

Все прочие типы переноса вспомогательного субъекта в афористике страсти появляются значительно реже. Семь раз страсть реифицируется, она уподобляется неодушевленному предметам (вещам) – оковам, стрекалу, паутине, веревке, мыльному пузырю: *Разум, нередко скованный страстями, зачастую обладает лишь свободой не оказывать им уважения, а только вести их с большим искусством к преступлению* (К. Гельвеций); *Страсти являются как бы стрекалами для души, толкающими ее на добродетельные поступки* (М. Монтень); *Страсть в человеке сначала паутина, потом – толстая веревка* (Талмуд); *Внезапная страсть ударяет как молния и лопається как мыльный пузырь* (Ф. Жиро). Так же семь раз она «одушевляется», уподобляется живому существу – она бодрствует, живет и умирает: *Страсти в человеке постоянно бодрствуют, высматривая себе добычу; рассудок же спит, пока его не разбудят* (И. Гердер); *Вы можете найти спасение: из-*

гоните от себя разврат, умерщвляя страсти постом и воздержанием (М. Ярагский).

Страсть уподобляется явлениям природы (*Страсти – это ветры, надувающие паруса корабля; ветер, правда, иногда топчет корабль, но без него корабль не мог бы плыть* – Ф. Вольтер; *Страсти – это облака, затемняющие солнце разума* (К. Гельвеций), животным (*Всякий человек подобен укротителю диких зверей, а эти звери – его страсти* – А. Амнел), жидкости (*Превзошел в своем деле любых мастеров. / Над столом бытия опрокинул он чашу / И страстями наполнил ее до краев* – О. Хайям), ослепительному свету и мраку (*Они [страсти] ослепляют наш ум ложным блеском, покрывают и наполняют его мраком* – Н. Мальбранш), болезни (*Внезапная страсть, как и внезапный паралич, часто поражает лишь одну сторону* – Х. Роулэнд) либо, наконец, она уподобляется несколько абстрактным явлениям (*Страсть – опьянение души* – Р. Саути; *Единственный ад для разума – страсть* – Э. Шефтсбери).

Еще одна отличительная черта афористики – антитезисность, вербализуемая через антонимичность, присутствует в каждом шестом афористическом высказывании о страсти (51 единица). Чаще всего, как и можно было ожидать, страсть как эмоциональное явление противопоставляется разуму (рассудку, уму): *Что постановит страсть, то непродолжительно, мимолетно; что определит разум, в том век не раскаешься* (Э. Роттердамский); *Если советы страсти более смелы, чем советы рассудка, то и силы для исполнения их страсть дает больше, чем рассудок* (Л. Вовенарг); *Чем больше людям отпущено ума, тем сильнее их страсти* (Б. Паскаль). За разумом идет любовь: *Любовь – это желание отдавать, а страсть – желание брать* (Р. Литвинова). В афоризмах о страсти ум противопоставляется глупости, свобода – неволе, радость – горю, порок – добродетели, сила – слабости, жар – холоду, женщины – мужчинам: *Страсти придают самым глупым людям ум и делают глупыми самых умных* (Л. Сенека); *Тот, кто дает волю своим страстям, становится их рабом* (Э. Севрус); *Те, кому довелось пережить большие страсти, потом всю жизнь и радуются своему исцелению, и горюют о нем* (Ф. Ларошфуко); *Страсти становятся пороками, когда превращаются в привычки, или добродетелями, когда противодействуют привычкам* (В. Ключевский); *Мы сопротивляемся нашим страстям не потому, что мы сильны, а потому, что они слабы* (Ф. Ларошфуко); *Женская страсть – это эпос, мужская – эпиграмма* (К. Краус).

И, наконец, такой отличительный признак афористики, как парадоксальность – неожидан-

ность определений и характеристик страсти, инференций и выводов в суждениях о ней здесь проявляется относительно редко: *Настоящая страсть есть сумма двух недоразумений* (Д. Буфалино); *Страсть – каприз, натолкнувшийся на препятствие* (А. Декурсель); *Терпенье может обернуться страстью* (П. Сир); *Настоящая великая страсть встречается ныне довольно редко. Это привилегия людей, которым больше нечего делать* (О. Уайльд).

Заключение

Афоризм, как и любое разнокачественное явление, не способен получить четкое определение на основании какого-либо одного признака, речь здесь может идти лишь о «семейном сходстве» как приближенности какого-то малоформатного текста по совокупности признаков к идеалу афористического высказывания.

В корпусе афоризмов о страсти доминирует аксиологический признак – каждое третье высказывание о страсти содержит её оценку: чаще всего страсть рассматривается как грех и порок, несколько реже она получает положительную оценку – рассматривается как духовное богатство и источник плодотворной деятельности, еще реже наблюдается компромиссный взгляд на оценку страсти, когда она признается благотворной, если её интенсивность не вы-

ходит за пределы меры, задаваемой разумом и волей, а вредоносной – если она выходит за пределы меры и овладевает человеком. Праксеология страсти в афористике сводится к рекомендациям подчинять страсти своей воле и учиться управлять ими. Из отличительных семантических признаков страсти в афористике можно отметить её всеилие, неукротимость и неподвластность воле, а также врожденность и неискоренимость страстей.

Из числа собственно отличительных признаков афористики в высказываниях о страсти явно преобладает образность – метафора присутствует практически в каждом четвертом афоризме, причем доминирующим типом метафорического переноса здесь выступает пиро/термометафора, с помощью которой «овеществляется» интенсивность эмоционального проявления: горение и температурные колебания отражены в каждой третьей метафоре страсти. Еще одна отличительная черта афористики – антитезисность присутствует в каждом шестом афористическом высказывании о страсти, где чаще всего страсть противопоставляется разуму. Такой отличительный признак афористики, как парадоксальность – неожиданность определений и характеристик, инференций и выводов в суждениях в афористических высказываниях о страсти проявляется относительно редко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. 848 с.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Астрель-АСТ, 2000.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2001.
5. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981–1984.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
7. Кожевников В. М., Николаев П. А. Литературный энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
8. Николокин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : Интелвак, 2001. 1600 с.
9. Карасик В. И. Эпиграфы. Волгоград : Парадигма, 2014. 478 с.
10. Davis M. S. Aphorisms and Clichés: The Generation and Dissipation of Conceptual Charisma // Annual Review of Sociology. 1999. № 25. P. 245–269.
11. Geary J. The World in a Phrase: A Brief History of the Aphorism. New York : Bloomsbury, 2005. 240 p.
12. Baias C. The Aphorism: Function and Discursive Strategy // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 191. P. 2267–2271.

13. Hui A. A Theory of the Aphorism. From Confucius to Twitter. Princeton : Princeton University Press, 2019. 272 p.

14. Иванов Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 4. С. 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

15. Горячева Е. Д. Афоризм как целостный текст: механизмы структурно-семантической организации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 129–138.

16. Иванов Е. Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 4. С. 898–924. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

17. Королькова А. В. Русская афористика в контексте фразеологии : дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2005. 422 с.

18. Мечковская Н. Б. Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. С. 79–111.

19. Наличникова И. А. Афоризм как жанр, малоформатный текст и универсальное высказывание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58), ч. 3. С. 121–123.

20. Туманова Е. О. Афоризм как речевой жанр: этапы становления и развития (на материале немецкого

языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43), ч. 1. С. 175–179.

21. Авдеева А. С., Водоватова Т. Е. Афоризм: понятие, лингвистический статус, структурно-содержательная специфика // Вестник Международного института рынка. 2017. № 2. С. 127–134.

22. Воркачев С. Г. *Lumen naturale*: аксиология интеллекта в языке. М. : Флинта ; Наука, 2017. 296 с.

23. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. 612 с.

24. Воркачев С. Г. Образ слова: к семантическому портрету имени // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 145–150.

25. Воркачев С. Г. Игры разума: интеллект в юмористическом дискурсе // Лингвокультурология. 2016. Вып. 10. С. 26–51.

REFERENCES

1. Dvoretiskii I. Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar'*: v 2 t. [Ancient Greek-Russian dictionary: in 2 vols]. Moscow, Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958 (in Russian).

2. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1953. 848 p. (in Russian).

3. Ushakov D. N. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka*: v 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow, Astrel'-AST, 2000 (in Russian).

4. Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*: v 2 t. [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative: in 2 vols]. Moscow, Russkii yazyk, 2001 (in Russian).

5. *Slovar' russkogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow, Russkii yazyk, 1981–1984 (in Russian).

6. Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint, 1998. 1536 p. (in Russian).

7. Kozhevnikov V. M., Nikolaev P. A. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 752 p. (in Russian).

8. Nikoliukin A. N. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intelvak, 2001. 1600 p. (in Russian).

9. Karasik V. I. *Epigrafy* [Epigraphs]. Volgograd, Paradigma, 2014. 478 p. (in Russian).

10. Davis M. S. Aphorisms and Clichés: The Generation and Dissipation of Conceptual Charisma. *Annual Review of Sociology*, 1999, no. 25, pp. 245–269.

11. Geary J. *The World in a Phrase: A Brief History of the Aphorism*. New York, Bloomsbury, 2005. 240 p.

12. Baias C. The Aphorism: Function and Discursive Strategy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, no. 191, pp. 2267–2271.

13. Hui A. *A Theory of the Aphorism. From Confucius to Twitter*. Princeton, Princeton University Press, 2019. 272 p.

14. Ivanov E. E. Aphorism as an object of linguistics: Main signs. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (in Russian).

15. Goriacheva E. D. Aphorism as an integral text: Mechanisms of structural-semantic organization. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 129–138 (in Russian).

16. Ivanov E. E. Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924> (in Russian).

17. Korol'kova A. V. *Russian Aphorism in the Context of Phraseology*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Smolensk, 2005. 422 p. (in Russian).

18. Mechkovskaia N. B. Genres of aphorism and gradation of statements according to the degree of idiomaticity. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres : Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs "Nauka", 2009, iss. 6, pp. 79–111 (in Russian).

19. Nalichnikova I. A. Aphorism as a genre, compact text and universal statement. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 4 (58), part 3, pp. 121–123 (in Russian).

20. Tumanova E. O. Aphorism as a speech genre: Stages of formation and development (by the material of the German language). *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2015, no. 1 (43), part 1, pp. 175–179 (in Russian).

21. Avdeeva A. S., Vodovatova T. E. Aphorism: Concept, linguistic status, structural and content specificity. *Bulletin of the International Market Institute*, 2017, no. 2, pp. 127–134 (in Russian).

22. Vorkachev S. G. *Lumen naturale: aksiologiya intellekta v yazyke* [Lumen naturale: Axiology of intelligence in language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2017. 296 p. (in Russian).

23. Vitgenshtein L. *Filosofskie raboty. Ch. 1* [Philosophical works. Part 1]. Moscow, Gnozis, 1994. 612 p. (in Russian).

24. Vorkachev S. G. Image of the word: To the semantic portrait of the name. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 2018, no. 1, pp. 145–150 (in Russian).

25. Vorkachev S. G. Mind games: Intelligence in a humorous discourse. *Linguoculturology*, 2016, iss. 10, pp. 26–51 (in Russian).

Поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 20.02.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 20.02.2024; published 28.02.2025